

ПРИГОВОР В АРГУМЕНТАТИВНОМ ДИСКУРСЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

А. Ю. Астафьев

Воронежский государственный университет

SENTENCE IN THE ARGUMENTATIVE DISCOURSE OF CRIMINAL PROCEEDINGS

A. Yu. Astafiev

Voronezh State University

Аннотация: затрагиваются вопросы обоснования судом своих выводов в приговоре. Анализируются отдельные аспекты содержания описательно-мотивировочной части приговора, ее функционально-семантические особенности. Исследуются логико-языковые приемы, с помощью которых осуществляется обоснование выводов суда как особая форма аргументации. Подчеркивается, что обращение к теории аргументации обогащает юридическое понимание обоснованности и мотивированности судебного акта. Утверждается, что приговор является структурообразующим решением во всем уголовно-процессуальном дискурсе, поэтому нельзя рассматривать приговор вне коммуникации, предшествующей ему и следующей за ним.

Ключевые слова: приговор, оценка доказательств, мотивировка выводов суда, аргументация.

Abstract: this paper addresses the issues of substantiation by the court of its conclusions of the sentence. The article discusses certain aspects of the content of the descriptive and motivational part of the sentence, its functional and semantic features. The article investigates the logical and linguistic methods, with the help of which the justification of the conclusions of the court is carried out. The author emphasizes that the appeal to the theory of argumentation enriches the legal understanding of the reasonableness of a judicial act.

Key words: sentence, evaluation of evidence, motivation of court findings, argumentation.

Подлинного искусства речи нельзя достичь без познания истины...
*Платон*¹

Общая теория аргументации: междисциплинарность предметного поля и многообразие подходов

Обоснование судом в приговоре доказанности/недоказанности обвинения, на наш взгляд, весьма продуктивно рассматривать в свете положений теории аргументации, исследующей формы и способы обоснования знания. Обращение к ней, вне всякого сомнения, обогащает юридическое понимание обоснованности и мотивированности судебного акта.

Теория аргументации в ее актуальном виде вбирает в себя положения логики, философии,

лингвистики, психологии и других научных дисциплин. Правильнее, вероятнее, будет называть ее общей теорией, или метатеорией. Единой целостной теории аргументации до настоящего времени не создано, а возможность и необходимость ее создания вызывают у ученых серьезные сомнения. Существуют многочисленные концепции аргументации, которые отличаются друг от друга охватом изучаемых проблем, сферами анализируемых рассуждений (юридическая аргументация – одна из них), методологическими принципами. В рамках различных подходов к изучению аргументации она рассматривается как особый тип рассуждений, имеющий свои разновидности, как коммуни-

¹ Платон. Федр // Сочинения : в 3 т. М., 1970. Т. 2. С. 198.

© Астафьев А. Ю., 2023

кативная деятельность, как когнитивная категория и т. д.²

Развитие теории аргументации во второй половине XX в. во многом было обусловлено интересом именно к правовому дискурсу как области приложения аргументативных усилий³. В результате было переосмыслено и значительно расширено само представление о сущности аргументации и критериях рациональности аргументов, применяемых в различных профессиональных коммуникативных практиках, в которых формируются свои стандарты обоснованности.

Непосредственно проблемы *правовой аргументации* в настоящее время исследуются в самой юриспруденции⁴ и одновременно являются предметом изучения других наук, преимуще-

ственно лингвистики⁵. Результаты этих исследований позволяют более глубоко и всесторонне понять феномен правовой аргументации.

Из всего многообразия выделяемых в литературе подходов к анализу аргументации отметим концепцию В. Н. Брюшинкина, предложившего системную модель аргументации, где действует принцип восполнения логических, когнитивных и риторических средств. Аргументация, как верно отмечал автор, объединяет различные уровни и способы рассуждений. Их воспроизведение осуществляется в логических, риторических и когнитивных моделях аргументации, каждая из которых может быть выбрана основной при реконструкции аргументации в конкретном тексте⁶. Кратко раскроем суть вышеназванных моделей, спроецировав их в дальнейшем на уголовно-процессуальную практику, учитывая особенности аргументации в судебном дискурсе.

Итак, *логические* модели аргументации представляют собой способы упорядочения наборов аргументов при помощи тех или иных логических систем. Это базовый подход к анализу аргументации, восходящий к Аристотелю, родоначальнику традиционной формальной логики. Аргументация здесь рассматривается как один из видов логического вывода; акцент делается на обоснованности одних высказываний другими. Использование данных моделей не предполагает явного обращения к субъекту и адресату комму-

² Подробнее см.: Мигунов А. И. Несколько замечаний о специфике раздела логического знания, называемого «теория аргументации» // РАЦИО.ru. 2009. № 1. С. 9–21; *Его же*. Логика, аргументация, диалектика, риторика: коннотации и корреляции // Логико-философские штудии. 2016. Т. 14. С. 184–201; Васильев Л. Г., Касьянова Ю. И. Аргумент и его структурная интерпретация // Вестник Удмурт. ун-та. Серия: История и филология. 2012. № 4. С. 119–123; Лисанюк Е. Н. Модели аргументации, рассуждение и убеждение // РАЦИО.ru. 2016. № 17 (2). С. 38; Савчук Т. Н. Аргументация в дискурсе гуманитарных наук (на материале русско- и белорусскоязычных текстов): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Минск, 2019. С. 9–10; и т. д.

Содержание самого понятия «аргументация», таким образом, не является четко определенным. Е. Н. Лисанюк в связи с этим совершенно справедливо называет аргументацию «зонтичным термином» (Лисанюк Е. Н. Аргументация и следование правилу // Л. Витгенштейн: pro et contra: Личность и наследие Л. Витгенштейна в оценках российских исследователей: антология. СПб., 2017. С. 528).

³ Мы имеем в виду прежде всего работы С. Тулмина и Х. Перельмана, которые по праву считаются «отцами-основателями» современной теории аргументации. См.: Toulmin S. The Uses of Argument. New York: Cambridge, 2006; Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L. The New Rhetoric: Treatise on Argumentation. Notre Dame, 1969; Perelman Ch. The Idea of Justice and the Problem of Argument. London, New York, 1963.

⁴ См.: Александров А. С. Введение в судебную лингвистику. Н. Новгород, 2003; Хлебников А. В. Логика судебных актов по спорам из трудовых правоотношений // Вестник Том. гос. ун-та. 2008. № 312; Пронина М. П. Правовая аргументация и ее использование в процессе доказывания по гражданским делам // Юридическая техника. 2013. № 7–1; Чирнинов А. М. Конституционно-судебная аргументация и модели трансформации нормативно-правового регулирования // Право и политика. 2021. № 9; и др.

⁵ Укажем на отдельные диссертационные исследования: Соболева А. К. Топика и аргументация в юридических текстах (на материале текстов судебных решений Конституционного Суда РФ, Конституционного Суда ФРГ и Верховного Суда США): дис. ... канд. филол. наук. М., 1998; Лукашевич С. В. Топика как способ создания аргументации в юридических текстах: дис. ... канд. филол. наук. М., 2004; Сушенцова Т. В. Структурно-содержательная специфика аргументации в судебных решениях: дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2015; и т. д.

⁶ Здесь и далее мы опираемся на взгляды В. Н. Брюшинкина, изложенные в следующих его работах: Брюшинкин В. Н. Системная модель аргументации // Трансцендентальная антропология и логика: труды международного семинара «Антропология с современной точки зрения» и VIII Кантовских чтений. Калининград, 2000. С. 133–155; *Его же*. Обобщенная системная модель аргументации // Аргументация и интерпретации. Исследования по логике, истории философии и социальной психологии: сборник науч. статей. Калининград, 2006. С. 11–17; *Его же*. Аргументация, коммуникация, рациональность // Вестник Балтийского федер. ун-та им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2008. № 6. С. 9; *Его же*. Когнитивный подход к аргументации // РАЦИО.ru. 2009. № 2. С. 7.

никации, так как логический вывод по сути своей *интерсубъективен*. Ключевое значение имеет правильное построение вывода. Корректность вывода в свою очередь подразумевает его истинность и самоочевидность.

Не подлежит сомнению, что логика является основой общей теории аргументации, ее ядром, предписывая правила построения аргументации и ее оценки. *Формой аргументации* называется ее логическая структура, т. е. логическое отношение между аргументами и тезисом.

В *риторических* моделях аргументация обеспечивается системой тропов и фигур. Предметом изучения риторики является искусство построения убедительной (убеждающей)⁷ речи, поэтому основное внимание в данных моделях уделяется персуазивным аспектам аргументации. Аргументация, соответственно, мыслится как адресатно-ориентированная деятельность, в ходе которой достигается убеждение некоего лица благодаря выразительности речи.

К риторической аргументации неприменимы требования строгой доказательности. Более того, аргументация, рассматриваемая в рамках данного подхода как *теория убеждения*, в некотором смысле противопоставляется аргументации как *теории доказательства*.

Следует добавить, что риторические средства представляют собой не только украшение, декоративное обрамление речи. Подчас они являются весьма емкими по своему смыслу и именно поэтому несут аргументативный потенциал. Кроме того, некоторые риторические фигуры – это, по сути, сокращенные логические правила, чем и обусловлено их использование в качестве эффективных способов убеждения⁸. С другой стороны, чрезмерное использование в речи тропов и фигур может, напротив, скрыть, затемнить ее смысл.

Наконец, в *когнитивных* моделях аргументации фокус смещается на механизмы оценки информации, особенности понимания и усвоения ее адресатом. Исследуемая в подобном ракур-

се аргументация подразумевает планирование процесса убеждения, происходящее в сознании лица. С позиций когнитивного подхода для порождения системы аргументов основополагающее значение имеет представление субъекта об организации мышления адресата, его психологических установках. Поэтому важную роль в порождении аргументов субъектом аргументации играют «диагностика респондента», оценка его когнитивных способностей.

В когнитивном подходе актуализируются прогностические умения лица как составляющая часть его аргументативной компетенции: прогнозирование субъектом реакции адресата на те или иные аргументы становится залогом эффективной аргументации. Аргументатор должен иметь понимание относительно того, как в сознании адресата представлена предметная область и какие представления являются основаниями оценки суждения как приемлемого. Иными словами, в когнитивной модели успешная аргументация – это «психологически правильная» аргументация, состоятельность которой обусловлена особенностями личности адресата.

Изолированное изучение логической, риторической и когнитивной составляющей аргументации, разумеется, не может дать ее точного описания в той или иной коммуникативной сфере, в том числе и в уголовном судопроизводстве, где аргументирующими субъектами выступают разные участники уголовного процесса, включая судью.

До составления приговора судья не является активным агентом аргументативного дискурса уголовного судопроизводства. Его участие в нем сводится к роли арбитра-наблюдателя, организующего и координирующего аргументативную деятельность сторон в соответствии с установленными правилами ведения судебного спора. Корректирующее воздействие судьи заключается, среди прочего, в ограничении им аргументативной активности сторон, выходящей за установленные процессуальными нормами коммуникативные рамки. Закон, например, запрещает сторонам ссылаться в прениях на доказательства, признанные недопустимыми (ч. 4 ст. 292 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, далее – УПК РФ). Данные действия, соответственно, должны пресекаться судьей.

Составление приговора как завершающий этап судебного дискурса представляет собой уже полноценный и законченный аргументативный

⁷ Изначально риторика формировалась как *техника убеждающей речи* и лишь впоследствии постепенно превратилась в искусство красноречия. См., например: Огурцов А. П. От нормативного разума к коммуникативной рациональности // Философия науки и техники. 2005. № 1. С. 56.

⁸ Карпович В. Н. Формальная логика, риторика и рациональная аргументация // Сибирский философский журнал. 2019. № 17 (1). С. 10.

акт судьи. Описательно-мотивировочная часть приговора всегда включает аргументативно насыщенные компоненты, а приговор в целом, как ранее отмечалось нами⁹, является рассуждением со сложной структурой. Аргументация судьи в нем (*доказывание-обоснование* в юридической терминологии) специфична по своей форме, содержанию и целям и выстраивается иначе, чем аргументация сторон в процессуальном споре. Законодательно определенные правила составления приговора придают судебной аргументации строго упорядоченный характер, в то же время оставляя судье «пространство» для реализации его аргументативной деятельности.

Логико-риторические аспекты приговора и профессиональные установки судьи

При составлении приговора судья использует стандартный логический инструментарий, выстраивая дедуктивные и индуктивные заключения, сопоставляя доказательства, анализируя доводы сторон и т. д. Правильность выводов суда предполагает соблюдение им основных законов логики: закона (не)противоречия, закона исключенного третьего, закона достаточного основания, закона тождества. Необходимость следования им вытекает из самих предписаний закона.

Так, логический закон непротиворечия (*lex contradictionis*) гласит, что два несовместимых друг с другом суждения не могут быть одновременно истинными – по крайней мере, одно из них необходимо ложно. Нарушение этого логического закона при обосновании судом своих выводов в приговоре является одновременно и процессуальным нарушением. В соответствии с положениями УПК РФ приговор суда признается необоснованным, если выводы, изложенные в нем, содержат существенные противоречия, которые повлияли или могли повлиять на решение вопроса о виновности или невиновности осужденного или оправданного, на правильность применения уголовного закона или на определение меры наказания (ст. 389.16 УПК РФ).

Отменяя приговор Ярославского областного суда от 26 июня 2009 г., Судебная коллегия по уго-

ловным делам Верховного Суда РФ мотивировала свое решение следующим.

Из протокола осмотра места происшествия видно, что деньги были обнаружены в книжном шкафу в кабинете Сдвижкова. Согласно приговору суд признал, что после получения свёртка от Б. и ухода последнего Сдвижков убрал свёрток в шкаф. Одновременно с этим суд признал, что Сдвижков в контакте с предметом взятки не находился, т. е. *суд вступил с собой в противоречие*.

В этом же определении Судебная коллегия отметила, что суд первой инстанции *не принял надлежащих мер к устранению противоречий в выводах экспертиз*, оставив без удовлетворения ходатайство о проведении повторной экспертизы¹⁰.

Другой логический закон – закон исключенного третьего (*lex exclusii tertii*) – предполагает, что два противоречащих суждения об одном и том же предмете, взятом в одно и то же время и в одном и том же отношении, не могут быть вместе истинными или ложными: одно из них – истинно, а другое – ложно, третьего быть не может. О необходимости соблюдения указанного закона свидетельствует, в частности, требование УПК РФ о недопустимости включения в оправдательный приговор формулировок, ставящих под сомнение невиновность оправданного (ч. 2 ст. 305 УПК РФ). В противном случае нарушалась бы логическая ясность приговора как решения, которым устанавливается либо виновность лица, либо невиновность.

Трудно переоценить в судебной деятельности и значение закона достаточного основания (*lex rationis determinatis seu sufficientis*). Согласно этому основополагающему общелогическому принципу в процессе рассуждения всякое суждение считается истинным только в том случае, если приведено достаточное основание его истинности. На нормативном уровне данный логический закон находит отражение в ряде положений уголовно-процессуального законодательства. Приговор суда должен быть обоснованным (ст. 297 УПК РФ), все собранные доказательства подлежат в нем оценке с точки зрения достаточности для разрешения уголовного дела (ч. 1 ст. 88 УПК РФ). Если выводы суда не подтверждаются доказательствами, рассмотренными в судебном разбирательстве, приговор подлежит отмене (п. 1 ст. 389.16 УПК РФ).

¹⁰ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 30 июня 2010 г. по делу № 8-010-15. URL: http://www.vsrp.ru/stor_pdf.php?id=331388 (дата обращения: 17.08.2023).

⁹ См. подробнее: Астафьев А. Ю. Оценка доказательств в структуре судебной аргументации в приговоре // Российский журнал правовых исследований. 2022. № 2 ; *Его же*. Об аргументативной сущности приговора // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2022. № 3 ; *Его же*. Анализ противоречий в доказательствах в приговоре суда // Российский журнал правовых исследований 2023. Т. 10, № 2.

Давая в приговоре оценку показаниям подсудимого, Богучанский районный суд Красноярского края пришел к выводу о том, что С. расценил поведение Д. как попытку завладения его оружием. При этом суд отметил в приговоре, что стороной обвинения не представлено достоверных доказательств виновности С. в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 286 Уголовного кодекса Российской Федерации. Также в приговоре указано, что вышеприведенные доказательства суд считает достаточными, чтобы прийти к выводу о невиновности С. Далее суд сделал вывод о том, что все приведенные им доказательства, как в отдельности, так и в совокупности, не дают оснований для вывода о наличии в действиях подсудимого состава указанного преступления и что доказательства свидетельствуют о противоправном поведении со стороны потерпевшего, оказавшего сопротивление и неповиновение.

Судебная коллегия по уголовным делам Красноярского краевого суда отменила приговор, сославшись на то, что суд не указал, в чем конкретно выразилось неповиновение и сопротивление потерпевшего и чем это подтверждается¹¹.

Следует учитывать, что, какой бы последовательный и обстоятельный характер не носило обоснование, система аргументов никогда не образует законченную целостность. Для индуктивного вывода, которым является вывод о виновности лица в приговоре суда, отсутствуют четкие условия определения достаточности посылок, поэтому вышестоящая инстанция всегда может критически оценить содержательность судебного обоснования. Как отмечается в философской литературе, оценка правильности индуктивных выводов обычно опирается на дополнительную информацию об их надежности, правдоподобии и т. п.¹² В связи с этим важной характеристикой судебной аргументации становится ее *убедительность*. Она имеет конкретные, относительно объективные предпосылки: достаточность доказательств, их непротиворечивость и взаимодополняемость и т. д. В то же

время даже одинаково оценивающие убедительность одних и те же доказательств судьи могут руководствоваться различными мотивами¹³. Для нас важны, однако, не столько когнитивные особенности формирования внутреннего убеждения судей, сколько то, как оно вербализируется в мотивировке приговора.

Состоятельность аргументов (доказательств) в логике судебного дискурса обеспечивается, как известно, и специальными юридическими правилами: приговор должен опираться на допустимые доказательства. Основанный на недопустимых доказательствах приговор признается незаконным (п. 9 ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ). Вместе с тем *существенность* нарушений, допущенных при получении доказательств, за весьма немногими исключениями¹⁴ нуждается в рациональном обосновании. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 55 «О судебном приговоре» подчеркивается, что, установив такое нарушение, суд должен мотивировать свое решение о признании доказательства недопустимым, указав, в чем именно выразилось нарушение закона¹⁵. Еще одним обязательным условием использования доказательств в приговоре является

¹³ В лекциях В. Д. Спасовича по теории судебных доказательств (1861) описана, пусть и несколько упрощенно, гипотетическая ситуация, когда все судьи убедились в виновности подсудимого и приговорили его к наказанию, но основания их убеждения были неодинаковы. Один судья убедился в том, потому что первый свидетель «весьма честный человек»; другой – потому, что второй свидетель подробно передал все обстоятельства события преступления; третий – потому, что показания обоих очевидцев совпадают между собой. (Спасович В. Д. О теории судебного-уголовных доказательств в связи с судостроительством и судопроизводством : публичные лекции, читанные в зале Импер. С.-Петербургского университета проф. Спасовичем // Теоретические основы доказывания в уголовном судопроизводстве России : середина XIX – начало XX в. : хрестоматия / сост. : А. Ю. Астафьев, Ю. В. Астафьев. М., 2017. С. 50–51). Автор использовал данный пример как свидетельство невозможности заранее определить убеждающую силу каждого доказательства («следует предоставить это дело совести судей»). Важно при этом и другое. Приводимые автором примеры не демонстрируют произвольность оценок, а лишь указывают на ситуативную значимость для субъекта принятия решения тех или иных обстоятельств, на возможность подведения под итоговые выводы разных оснований, которые вполне могут и дополнять друг друга.

¹⁴ Некоторые из них указаны в законе (ч. 2 ст. 75 УПК РФ), другие – типизируются в судебной практике.

¹⁵ Пункт 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹¹ Обобщение апелляционной практики судебной коллегии по уголовным делам Красноярского краевого суда за 2018 г. по делам, связанным с преступлениями против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления. URL: http://kraevoy.krk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=213 (дата обращения: 01.03.2023).

¹² См.: Черняк А. З. Хороший аргумент и эпистемический релятивизм // Epistemology & Philosophy of Science. 2012. № 3. С. 75.

ся их непосредственное исследование в судебном заседании. Лишь в этом случае суд вправе положить их в обоснование своих выводов (ч. 3 ст. 240 УПК РФ).

Логико-лингвистическое оформление приговора также повышает его аргументативность. Само изложение доказательств в описательно-мотивировочной части должно демонстрировать, что каждое доказательство вносит свой вклад в установление обстоятельств, подлежащих доказыванию: «свидетель А. показал, что...», «свидетель Н. дополнительно пояснил...», «данные показания подтверждаются...» и т. п.

Возвращаясь к различным подходам к аргументации, следует еще раз подчеркнуть, что, если в логике выводится за скобки вопрос о *приемлемости* аргументов для адресата, в риторическом и когнитивном подходе он играет ведущую роль. Корректность рассуждений (их истинность в формально-логическом смысле) отходит на второй план, в то время как готовность восприятия аргументов адресатом становится главным критерием эффективности аргументации.

Риторическая и когнитивная модели, без сомнения, в полной мере применимы к аргументации сторон в уголовном процессе. С фигурой судьи дело обстоит менее однозначно. Возможности использования риторического и когнитивного подхода в анализе его деятельности ограничены. При составлении приговора судье, очевидно, не требуется ни прибегать к средствам выразительности, усиливающим его обоснованность, ни учитывать психологические характеристики адресатов аргументации и, исходя из этого, выстраивать обоснование. Ввиду директивно-принудительного характера приговора, его обязательной силы явная необходимость в *убеждающем воздействии* на стороны отсутствует.

Несмотря на это, можно все же говорить о некоторых риторических аспектах приговора, когда в тексте судебного акта встречаются эмоциональные вкрапления. В первом приближении они выглядят в нем как инородные элементы. Официально-деловой стиль приговора, по определению, отличается эмоциональной нейтральностью. Тем не менее стилиевые особенности описательно-мотивировочной части некоторых приговоров представляют собой исключение из общего правила.

В текстах отдельных приговоров используется лексика, свойственная, скорее, художествен-

ному и публицистическому стилю, нежели официально-деловому.

Суд считает, что ни в суде, ни со следователем Горбатенко *не был откровенен*, дав в части, относящейся к моменту убийства и разбойного нападения, неправдивые показания.

...о своих действиях при удушении Шакарбаевым потерпевшей, связывании и угрозах ее сыну, поиске наживы и прочих существенных обстоятельствах он *предпочел умолчать*, формально отрицая свою причастность к произошедшему.

...В этих условиях *представляется бесперспективной* и попытка защитника оправдать действия Горбатенко особенностями личности Шакарбаева, изложенными в результатах его психолого-психиатрического обследования¹⁶.

Можно указать также на эксплицитно и имплицитно выраженные оценки со значением неодобрения.

При этом, вопреки доводам защиты, причину противоречий показаний Корнеева А. М. в судебном заседании и на предварительном следствии суд усматривает не в алкоголизации подсудимого, который на учете у врача-нарколога не состоит, а в *умышленной и расчетливой лжи подсудимого*, попытках создать себе алиби на день инкриминируемого убийства с целью избежать уголовной ответственности за содеянное¹⁷.

В других решениях встречаются нравственные характеристики действий подсудимого.

...суд приходит к выводу, что Н. Н. Палажин выказывание потерпевшего использовал как формальный повод для причинения ему смерти, на почве *безотчетной злобы*, проявляя при этом *пренебрежение* к потерпевшему, показывая тому своё *безусловное превосходство* перед ним¹⁸.

Таким образом, эмоционально маркированные речевые конструкции, пусть и в небольшом количестве, но все-таки имеют место в судебных актах. Следует ли рассматривать их как однозначно неприемлемые в до-

¹⁶ Приговор Белгородского областного суда по делу № 2-8/2017 от 27 декабря 2017 г. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (дата обращения: 12.08.2023).

¹⁷ Приговор Московского областного суда от 12 декабря 2019 г. по делу № 2-85/2019. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (дата обращения: 12.08.2023).

¹⁸ Приговор Хабаровского областного суда по делу № 2-14/2020 от 28 августа 2020 г. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (дата обращения: 12.08.2023).

кументном тексте? Мы не видим причин сомневаться в их допустимости (за исключением отдельных оборотов вроде *умышленная и расчетливая ложь подсудимого*), при условии что приговор содержит мотивированную оценку доказательств и отличается фактической обоснованностью.

Незначительные отступления от стилистического канона не искажают суть и смысл судебного акта и в ряде случаев делают его не только менее «казенным» текстом, но и позволяют лучше понять основания оценки доказательств. Более того, отступление от стилистических норм подчас усиливает риторическую составляющую текста, повышая его аргументативность.

С учетом приведенных выше примеров нельзя полностью согласиться с Т. В. Дубровской, по мнению которой «...обезличенный характер дискурса русских судей исключает проявление индивидуальности и эмоциональности»¹⁹. Уголовно-процессуальный дискурс (и приговор как его часть), во всяком случае, не является обезличенным «по умолчанию». Репрезентация личностного начала судьи в приговоре представляет собой в целом достаточно интересную проблему. Некоторые авторы пишут об определенной коллизии, с которой якобы сталкивается судья: осуществляя правосудие именем Российской Федерации, он должен выступать в качестве своеобразного обезличенного «абсолюта», но одновременно закон предписывает ему руководствоваться своим внутренним убеждением и совестью²⁰. Мы, напротив, не усматриваем здесь особенной коллизии. Вынесение приговора именем Российской Федерации, будучи требованием законодательства (ст. 296 УПК РФ), не снимает с судьи ответственности мотивировать свои выводы, опираясь на внутреннее убеждение. Вопрос заключается в другом – с достаточной ли полнотой внутреннее убеждение выражается в тексте судебного акта?

В любом документном тексте языковая личность автора, очевидно, раскрывается в очень ограниченной степени. При составлении приговора судья связан форматом дискурса. Если прибегать к терминологии, используемой в лингви-

стике, мы имеем здесь дело с *типизированной языковой личностью*. Клишированность юридического языка в немалой степени способствует этому. Вместе с тем подлинная субъектность судьи в тексте приговора проявляется именно в оценке доказательств и доводов сторон в описательно-мотивировочной части приговора, при условии что эта оценка имеет развернутый, аналитический характер.

Признавая, что речевое поведение субъекта подчинено правилам институционального дискурса, нельзя с категоричностью утверждать, что личность полностью нивелируется в нем. Дискурс определяет речевое поведение субъекта, но и субъект оказывает влияние на характер дискурса. Препятствуют же раскрытию личности в языковой (аргументативной) плоскости не столько институциональные рамки, сколько стереотипы мышления и нежелание прилагать аргументативные усилия. Именно эти факторы в числе других приводят к профессиональной деформации судьи, когда его личность оказывается полностью «поглощена» дискурсом и подчинена его инерции.

Исследуя аргументативные аспекты приговора, нельзя не коснуться и имеющего большую важность вопроса о задачах судебной аргументации.

Судья федерального апелляционного округа Колумбия С. Уильямс весьма примечательно описывает подход американского судьи к составлению текста судебного акта. Как утверждает автор, работая над текстом своего решения, судья прежде всего хочет убедить сомневающихся в том, что оно является юридически правильным. «Я считаю полезным, рассуждает судья, задавать самому себе вопрос: поймет ли проигравшая сторона, почему она проиграла? Я не жду, что проигравшая сторона будет убеждена в этом, но я надеюсь, что, прочитав судебное решение, лицо убедится в том, что, во-первых, суд *выслушал и понял его аргументы* и, во-вторых, что каждый честный, разумный и ответственный судья пришел бы к такому же выводу»²¹. На наш взгляд,

¹⁹ Дубровская Т. В. Судебный дискурс : речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков). М., 2010. С. 251.

²⁰ См.: Балановский В. В. Роль трансцендентальной рефлексии в реализации способности суждения судьями // Юридические исследования. 2020. № 12. С. 33.

²¹ Уильямс С. Смысл сказанного : о чем думают американские судьи, когда пишут судебные решения // Сравнительное конституционное обозрение. 2005. № 3. С. 33. Далее автор утверждает, что американский судья «стремится к тому, чтобы знакомящемуся с делом было интересно читать текст решения», поскольку судьи «не хотят быть безликими бюрократами. (Там же. С. 33–34). Полагаем, здесь все же важно акцентировать внимание на том обстоятельстве, что С. Уильямс пишет о судьях

автор, затрагивая проблему профессиональной рефлексии, фактически рассуждал о когнитивных аспектах аргументации в судебном дискурсе, фокусируя внимание на проблеме адресата, у которого должны отсутствовать обоснованные сомнения в логике вынесенного решения, его справедливости.

Понять смысл судебного решения действительно важно в первую очередь «проигравшей»²² стороне. В реалиях современного уголовного процесса это практически всегда сторона защиты. Институциональный дискурс уголовного судопроизводства основан на ожиданиях рационального поведения от властного субъекта, в том числе на ожиданиях того, что аргументы сторон будут услышаны и получают оценку. Даже если приговор является относительно предсказуемым, развернутая мотивировка показывает, что доводы сторон не были проигнорированы.

Справедливая процедура уголовного судопроизводства означает не только состязательное построение самого судебного разбирательства, но и *состязательное построение приговора*, в котором оценке доводов сторон уделяется достаточное место. Судебное обоснование с эпистемологической точки зрения не является конструированием нового знания. Суд работает с представленными доказательствами, с позициями сторон. Следовательно, смысл обоснования выводов суда состоит в том, чтобы придать обвинительному тезису большую четкость либо аргументировать его несостоятельность. Вполне естественно, что значительную часть мотивировки выводов суда в приговоре зачастую представляет именно анализ аргументов сторон.

Аргументативность приговора и фактор аудитории

Для понимания приговора как аргументативного текста, несомненно, важно учитывать федеральных апелляционных судов, т. е. тех, кто занимает достаточно высокое положение в судебной системе США и выносит решения, которые имеют прецедентное значение.

²² Что само по себе, конечно, не предопределяет дальнейших процессуальных действий. Если сторона настроена на достижение своих целей любой ценой, решение не в ее пользу будет для нее заведомо неприемлемым. В этом смысле даже качественная мотивировка не окажет существенного влияния на перспективу обжалования приговора. И все же развернутое обоснование *in abstracto* способствует уменьшению вероятности обжалования, а следовательно, отмены или изменения приговора.

фактор аудитории. Его значение для аргументирующего (доказывающего, убеждающего) субъекта с предельной точностью выразил еще Л. Фейрбах: «Если я хочу нечто доказать, то я это доказываю для других»²³.

Приговор существует в дискурсивном поле уголовного судопроизводства, где реципиентами информации являются разные по своему правовому положению субъекты – стороны и вышестоящий суд (суды). Когда аргументирование осуществляется не в диалоговом режиме, понятно, что аргументатор едва ли разделяет для себя адресатов аргументации. Тем более если одни из них конкретны и персонифицированы (стороны), а другие на момент вынесения приговора еще не включены в судебный дискурс (вышестоящие инстанции). Однако коммуникация предполагает не только прямое взаимодействие агентов в реальном времени, поэтому и стороны, и вышестоящие инстанции являются субъектами единого дискурса уголовного судопроизводства, протяженного во времени. Сама возможность обжалования приговора и его пересмотра подразумевает, что обоснование имплицитно направлено на адресата.

Ввиду своей полиадресованности приговор *полиинтенционален*. Если для сторон приговор по коммуникативной установке – констатирующий и предписывающий текст, в котором рассуждение выполняет подчиненную функцию²⁴, для вышестоящей инстанции он в первую очередь текст аргументативный.

В приговоре судья излагает причины принятия соответствующего решения, рассчитывая на приемлемость своей аргументации прежде всего вышестоящим судом. Задачей аргументативного рассуждения в приговоре, соответственно, должно быть **обоснование судом своей убежденности в доказанности обвинения, устранение или, по крайней мере, минимизация, возможных сомнений в истинности обосновываемого тезиса у контролирующей инстанции**. Судебное обоснование, выдерживающее проверку в вышестоящей инстанции, гарантирует суду оставление его приговора в силе, в чем судья так или иначе заин-

²³ Фейрбах Л. К критике философии Гегеля // Сочинения : в 2 т. : пер. с нем. М., 1995. Т. 1. С. 31.

²⁴ Об этом подробнее см.: Кыркунова Л. Г. Официально-деловые тексты в аспекте функционально-смысловых типов речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2007. С. 16.

тересован: стабильность приговоров традиционно считается показателем качества работы судей. Контролирующие судебные инстанции в свою очередь, проверяя решения нижестоящих судов, формируют стандарты приемлемости судебного обоснования.

Таким образом, приговор – директивно-аргументативный текст, в этом одна из его главных коммуникативных особенностей.

Анализируя судебный дискурс, можно по-разному масштабировать составляющий его содержание коммуникативный контекст. Когда в качестве адресатов приговора мы рассматриваем стороны, интенция убеждения, реализуемая в приговоре посредством аргументации, является побочной по отношению к предписанию и констатации, хотя и сохраняющей свою значимость. Когда же потенциальными адресатами приговора в моделируемом коммуникативном контексте выступают вышестоящие судебные инстанции, убеждение, как нам представляется, следует считать очевидно желаемой и главной целью судьи. Убеждение вышестоящего суда в том, что принятое решение является юридически правильным, а надлежащая процедура соблюдена.

Убедительность – трудноидентифицируемое понятие, параметры оценки которого являются неопределенными. В общем виде под ним подразумевается тот эффект, который производят на воспринимающего субъекта рационально приемлемые аргументы. Убедительность выводов суда не является самостоятельным свойством, автономным от обоснованности, и не представляет собой отдельный критерий оценки судебного акта. Убедительность приговора – следствие его обоснованности, и потому посредством оценки убедительности выводов суда оценивается в конечном счете не что иное, как их обоснованность.

Категория «убедительность», как характеристика рациональной приемлемости аргументации, в настоящее время широко используется в языке судебных актов. Отменяя приговоры, вышестоящие инстанции отмечают недостаточную аргументированность выводов суда, в том числе ссылаясь на их *неубедительность* («суд не привел убедительных мотивов», «недостаточно убедительно аргументировал» и т. д.). В правоприменительной практике убедительность судебного обоснования связывается, среди прочего, с его ясностью и полнотой. Субъективность подобной оценки неизбежна и у разных контролирующих

инстанций, проверяющих приговор и последующие решения, она может отличаться.

Восьмой кассационный суд отменил апелляционное постановление Верховного Суда Республики Хакасия от 6 мая 2019 г., отметив следующие недостатки в мотивировке выводов судом апелляционной инстанции.

Сославшись в апелляционном постановлении на то, что суд первой инстанции в приговоре не указал с достаточной ясностью, по каким основаниям принял одни доказательства и отверг другие, суд апелляционной инстанции не указал, *в чем именно выразилась недостаточная ясность оценки судом доказательств* по делу и каких именно доказательств²⁵.

То есть если суду апелляционной инстанции оказались неясны мотивы оценки доказательств судом первой инстанции, то суду кассационной инстанции в свою очередь оказались неясны выводы апелляции. Надо сказать, что данный пример отнюдь не единичен.

Насколько стремится судья, и стремится ли вообще, сделать приговор убедительным для *сторон* как его непосредственных адресатов? Сама правомерность подобного вопроса, признаться, вызывает у нас сомнения. Постановлением приговора суд заканчивает один из этапов уголовно-процессуального дискурса и не нуждается в «отклике» сторон как участников коммуникации, в обратной связи от них. Вынесение приговора – попытка завершения спора сторон; судебная аргументация – это аргументация *над* спором, аргументация субъекта, «покидающего» дискурс. Диалогизированное общение на данном этапе завершено. И хотя судебная аргументация не исключает контраргументации и является потенциально опровержимой, несогласие лица, чьи интересы затрагиваются приговором, с решением судьи адресовано уже вышестоящей инстанции как субъекту, способному вынести новое решение или скорректировать принятое. Причем у судьи, постановившего приговор, отсутствует возможность осуществить его переобоснование, так как закон запрещает повторное участие судьи в рассмотрении разрешенного им дела (ч. 1 ст. 63 УПК РФ) и в случае отмены приговора уголовное дело передается на новое рассмотрение уже иным составом суда (ч. 2 ст. 389.22 УПК РФ).

²⁵ Определение Восьмого кассационного суда от 24 декабря 2019 г. по делу № 77-73/2019 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Предписывающий характер приговора *prima facie* устраняет необходимость убеждающего воздействия судебного обоснования на участников судебного спора. В формализованной процедуре уголовного судопроизводства, где действия судьи обусловлены его процессуальной ролью, а необходимость обоснования приговора – требование закона, убеждение сторон, очевидно, не может быть *основной* коммуникативной интенцией. Вместе с тем полное отрицание данной цели в судебной аргументации означает дегуманизацию правосудия, которое превращается в обезличенную функцию. Определяя же судебное производство как коммуникативный акт, где взаимодействующие субъекты – это всегда субъекты аргументирующие, мы тем самым «очеловечиваем» правосудие, признавая, что принудительная (юридическая) сила приговора должна подкрепляться его аргументативной (убеждающей) силой.

Исходя из всего сказанного выше, конечной целью обоснования судом его выводов в приговоре можно считать принятие рациональности, которую несет в себе судебное решение, всеми его адресатами. Принять не означает непременно согласиться с тезисом. Собственно, аргументатор не всегда стремится сформировать у реципиента устойчивые убеждения относительно высказываемых суждений. Если убеждение рассматривать как частный случай принятия²⁶, приемлемость судебного обоснования правильно будет определять как его минимальную убедительность для сторон и вышестоящих инстанций. Последние принимают или не принимают рациональность судебной аргументации с учетом мнения сторон, обжалующих приговор, при этом имея право выйти за пределы заявленных доводов.

Именно такой подход, полагаем, отражает реальное значение аргументации в уголов-

но-процессуальном дискурсе. Правосудие – не только механизм правоприменения, но и попытка рационального разрешения спора. В данном ценностно-рациональном аспекте убеждение является не менее важной коммуникативной интенцией приговора, чем констатация и предписание. Когда убеждение сторон в приемлемости своего решения становится одной из прогнозируемых целей судьи, это свидетельствует об отсутствии у него формального отношения к выполняемой работе, а в определенном смысле и об уважении к участникам спора. Кодекс судейской этики, напомним, требует от судьи «поддерживать уверенность общества и участников процесса в объективности и беспристрастности судьи и органов судебной власти» (ч. 1 ст. 9 Кодекса судейской этики РФ). Вынесение обоснованных решений, вероятно, – одно из наиболее действенных средств, способствующих поддержанию доверия к судебной власти. Аргументация, исходящая от властного субъекта, приобретает аксиологическое значение, и это вопрос индивидуального понимания судьей своего профессионального долга.

Библиографический список

- Александров А. С. Введение в судебную лингвистику. Н. Новгород, 2003. 420 с.
- Алексеев А. П. Аргументация. Познание. Общение. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. 150 с.
- Астафьев А. Ю. Анализ противоречий в доказательствах в приговоре суда // Российский журнал правовых исследований 2023. Т. 10, № 2. С. 65–72.
- Астафьев А. Ю. Об аргументативной сущности приговора // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2022. № 3. С. 274–285.
- Астафьев А. Ю. Оценка доказательств в структуре судебной аргументации в приговоре // Российский журнал правовых исследований. 2022. № 2. С. 75–80.
- Балановский В. В. Роль трансцендентальной рефлексии в реализации способности суждения судьями // Юридические исследования. 2020. № 12. С. 31–43.
- Брюшинкин В. Н. Аргументация, коммуникация, рациональность // Вестник Балтийского федер. ун-та им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2008. № 6. С. 5–11.
- Брюшинкин В. Н. Когнитивный подход к аргументации // РАЦИО.ru. 2009. № 2. С. 2–22.
- Брюшинкин В. Н. Обобщенная системная модель аргументации // Аргументация и интерпретации. Исследования по логике, истории философии

²⁶ См.: Алексеев А. П. Аргументация. Познание. Общение. М., 1991. С. 6.

Очевидно, что для абстрактного разумного адресата логическая правильность выводов и фактическая обоснованность суждений является необходимым условием их приемлемости. Предметом дискуссии в эпистемологии является вопрос о том, следует ли считать рационально приемлемыми те суждения, которые обоснованы для большинства, для всех или же для определенных субъектов? См.: Черняк А. З. Указ. соч. С. 78. Джохадзе И. Д. Патнэм vs Рорти: спор о прагматизме и релятивизме // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2011. № 4. С. 177 и далее.

фии и социальной психологии : сб. науч. ст. Калининград, 2006. С. 11–17.

Брюшинкин В. Н. Системная модель аргументации // Трансцендентальная антропология и логика : труды Междунар. семинара «Антропология с современной точки зрения» и VIII Кантовских чтений. Калининград, 2000. С. 133–155.

Васильев Л. Г., Касьянова Ю. И. Аргумент и его структурная интерпретация // Вестник Удмурт. ун-та. Серия : История и филология. 2012. № 4. С. 119–123.

Карпович В. Н. Формальная логика, риторика и рациональная аргументация // Сибирский философский журнал. 2019. № 17 (1). С. 5–16.

Кыркунова Л. Г. Официально-деловые тексты в аспекте функционально-смысловых типов речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2007. 19 с.

Лисанюк Е. Н. Аргументация и следование праву // Л. Витгенштейн: pro et contra : Личность и наследие Л. Витгенштейна в оценках российских исследователей: антология. СПб., 2017. С. 525–552.

Лисанюк Е. Н. Модели аргументации, рассуждение и убеждение // РАЦИО.ru. 2016. № 17(2). С. 35–68.

Лукашевич С. В. Топика как способ создания аргументации в юридических текстах : дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 247 с.

Мизунов А. И. Логика, аргументация, диалектика, риторика : коннотации и корреляции // Логико-философские штудии. 2016. Т. 14. С. 184–201.

Мизунов А. И. Несколько замечаний о специфике раздела логического знания, называемого «теория аргументации» // РАЦИО.ru. 2009. № 1. С. 9–21.

Огурцов А. П. От нормативного разума к коммуникативной рациональности // Философия науки и техники. 2005. № 1. С. 54–81.

Платон. Сочинения : в 3 т. М. : Мысль, 1970. Т. 2. 609 с.

Пронина М. П. Правовая аргументация и ее использование в процессе доказывания по гражданским делам // Юридическая техника. 2013. № 7-1. С. 295–298.

Савчук Т. Н. Аргументация в дискурсе гуманитарных наук (на материале русско- и белорусскоязычных текстов) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Минск, 2019. 46 с.

Соболева А. К. Топика и аргументация в юридических текстах (на материале текстов судебных решений Конституционного Суда РФ, Конституционного Суда ФРГ и Верховного Суда США) : дис. ... канд. филол. наук. М., 1998. 182 с.

Сушенцова Т. В. Структурно-содержательная специфика аргументации в судебных решениях : дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2015. 188 с.

Уильямс С. Смысл сказанного : О чем думают американские судьи, когда пишут судебные реше-

ния // Сравнительное конституционное обозрение. 2005. № 3. С. 33–44.

Фейербах Л. К критике философии Гегеля // Фейербах Л. Сочинения : в 2 т. пер. с нем. М. : Наука, 1995. Т. 1. 502 с.

Хизанишвили Д. В. Рациональность аргументации с точки зрения когнитивного подхода // РАЦИО.ru. 2011. № 6. С. 128–146.

Хлебников А. В. Логика судебных актов по спорам из трудовых правоотношений // Вестник Том. гос. ун-та. 2008. № 312. С. 122–125.

Черняк А. З. Хороший аргумент и эпистемический релятивизм // Epistemology & Philosophy of Science. 2012. № 3. С. 68–83.

Чирнинов А. М. Конституционно-судебная аргументация и модели трансформации нормативно-правового регулирования // Право и политика. 2021. № 9. С. 39–57.

References

Aleksandrov A. S. Introduction to forensic linguistics. N. Novgorod, 2003. 420 p.

Alekseev A. P. Argumentation. Cognition. Communication. Moscow : Moscow University Publishing House, 1991. 150 p.

Astafiev A. Yu. Analysis of contradictions in the evidence in the verdict of the court // Russian Journal of Legal Research 2023. Vol. 10, no. 2. P. 65–72

Astafiev A. Yu. Evaluation of evidence in the structure of judicial argumentation in the verdict // Russian Journal of Legal Research. 2022. No. 2. P. 75–80.

Astafiev A. Yu. On the argumentative essence of the sentence // Proceedings of Voronezh State University. Series : Law. 2022. No. 3. P. 274–285.

Balanovsky V. V. The role of transcendental reflection in the implementation of the ability of judgment by judges // Legal Research. 2020. No. 12. P. 31–43.

Bryushinkin V. N. Argumentation, communication, rationality // Bulletin of the Baltic Federal University. I. Kant. Series : Humanities and social sciences. 2008. No. 6. P. 5–11.

Bryushinkin V. N. Cognitive approach to argumentation // RATIONA.ru. 2009. No. 2. P. 2–22.

Bryushinkin V. N. Generalized system model of argumentation // Argumentation and Interpretations. Studies in Logic, History of Philosophy and Social Psychology: collection of Scientific Articles. Kaliningrad, 2006. P. 1–17.

Bryushinkin V. N. System model of argumentation // Transcendental Anthropology and Logic: Proceedings of the International Seminar "Anthropology from a Modern Point of View" and VIII Kant Readings. Kaliningrad, 2000. P. 133–155.

Chernyak A. Argument and Epistemic Relativism // Epistemology & Philosophy of Science. 2012. No. 3. P. 68–83.

- Chirninov A. M.* Constitutional-judicial argumentation and models of transformation of legal regulation // *Law and Politics*. 2021. No. 9. P. 39–57.
- Karpovich V. N.* Formal logic, rhetoric and rational argumentation // *Siberian Philosophical Journal*. 2019. No. 17 (1). P. 5–16.
- Khlebnikov A. V.* The logic of judicial acts on disputes from labor relations // *Vestn. Tom. state university*. 2008. No. 312. P. 122–125.
- Kondakov N. I.* Logic dictionary. Moscow, 1971. S. 49.
- Kyrkunova L. G.* Official business texts in terms of functional and semantic types of speech : cand. philol. sci. diss. abstr. Perm, 2007. 19 p.
- Lisanyuk E. N.* Argumentation and following the rule // *L. Wittgenstein : pro et contra : The personality and heritage of L. Wittgenstein in the assessments of Russian researchers : an anthology*. St. Petersburg, 2017. P. 525–552.
- Lisanyuk E. N.* Models of argumentation, reasoning and persuasion // *RATIO.ru*. 2016. No. 17 (2). P. 35–68.
- Lukashevich S. V.* Topic as a way to create argumentation in legal texts : cand. philol. sci. diss. Moscow, 2004. 247 p.
- Migunov A. I.* Logic, argumentation, dialectics, rhetoric: connotations and correlations // *Logical and philosophical studies*. 2016. Vol. 14. P. 184–201.
- Migunov A. I.* Several remarks on the specifics of the section of logical knowledge called "argumentation theory" // *RATIO.ru*. 2009. No. 1. P. 9–21.
- Plato*. Essays in three volumes. Vol. 2. Moscow : Thought, 1970. 609 p.
- Pronina M. P.* Legal reasoning and its use in the process of proof in civil cases // *Legal technique*. 2013. No. 7-1. P. 295–298.
- Savchuk T. N.* Argumentation in the discourse of the humanities (on the basis of Russian and Belarusian texts) : dr. philol. sci. diss. abstr. Minsk, 2019. 46 p.
- Soboleva A. K.* Topeka and argumentation in legal texts (based on the texts of court decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the Constitutional Court of the Federal Republic of Germany and the Supreme Court of the United States) : cand. philol. sci. diss. Moscow, 1998. 182 p.
- Sushentsova T. V.* Structural and content specificity of argumentation in court decisions : cand. philol. sci. diss. Tver, 2015. 188 p.
- Tulmin*. The Uses of Argument. New York : Cambridge University Press, 2006. 247 p.
- Vasiliev L. G., Kasyanova Yu. I.* Argument and its structural interpretation // *Bulletin of the Udmurt University. Series : History and Philology*. 2012. No. 4. P. 119–123.
- Williams S.* The meaning of what was said: What American judges think about when they write court decisions // *Comparative Constitutional Review*. 2005. No. 3. P. 33–44.

Воронежский государственный университет
Астафьев А. Ю., кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса
E-mail: woltgam@rambler.ru

Поступила в редакцию: 11.10.2023

Для цитирования:

Астафьев А. Ю. Приговор в аргументативном дискурсе уголовного судопроизводства // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право*. 2023. № 4 (55). С. 270–281. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/4/270-281>.

Voronezh State University
Astafiev A. Yu., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Criminal Procedure Department
E-mail: woltgam@rambler.ru

Received: 11.10.2023

For citation:

Astafiev A. Yu. Sentence in the argumentative discourse of criminal proceedings // *Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*. 2023. № 4 (55). P. 270–281. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/4/270-281>.